

Ян Мищенко

Старые друзья

Двенадцать рассказов

12+

Ян Владимирович Мищенко

Старые друзья.

Двенадцать рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67603772

SelfPub; 2022

Аннотация

Выражение «проза жизни» применительно к рассказам Яна Мищенко приобретает новое, противоположное традиционному пониманию значение. То, что многие привыкли считать серым, обыденным и скучным, под пером московского прозаика оживает множеством неожиданных деталей. В его рассказах люди, улицы и дома находятся под одними и теми же звёздами, что и мы с вами, и в то же время у всего, что описывает Ян Мищенко, – своя звезда. Способность ухватить мгновение в потоке времени и составить из этих мгновений портрет – нет, не эпохи, а человека – человека тонкого, чуткого, ранимого, независимо от его пола, убеждений или пристрастий, – отличительная черта стиля автора. Нет никаких эпох, а есть (и всегда были) лишь люди. О них и ведётся рассказ.

Содержание

Предисловие. Власть над временем	4
Баян	10
Пёс	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ян Мищенко

Старые друзья.

Двенадцать рассказов

Каждая жизнь – множество дней, чередой один за другим. Мы бредём сквозь самих себя, встречая разбойников, призраков, великанов, стариков, юношей, жён, вдов, братьев по духу, но всякий раз встречая самих себя.

Джеймс Джойс «Улисс»

Предисловие. Власть над временем

Вы хотите пожить подольше? Желаете управлять временем? Не так, как предлагают жулики-коучеры, а по-настоящему? По тональности рассказы Яна Мищенко схожи с «литературой сорокалетних» или «московской прозой». «Московской» – не потому, что москвичи, а потому, что, приехав из разных городов, в Москве соединились. И в литературу пришли, когда им было примерно по сорок лет – бывает, когда всплеск приходится на 20-летних. Само условное литературное сообщество начало складываться, когда Маканин, Личутин, Курчаткин и другие стали расходиться по разным литературным дорогам – тогда и спохватились, что

некоторое время шагали вместе. Дело в особом взгляде, при-
сущем, скорее, Маканинской прозе с оценкой жизни, в ко-
торой иные видели иронию, насмешку и даже издёвку, фан-
тасмагории «Альтиста Данилова» Владимира Орлова.

Прозу Яна Мищенко с «московской школой» роднит
стремление к управлению временем, к его замедлению. Воз-
можно, если бы мы жили в Москве и иных мегаполисах не
так быстро, не неслись бы опрометью к заранее известному
финалу, то не только не помышляли бы о трансгуманизме,
о бессмертии в некоем машинном пространстве, о всеобъ-
емлющей матрице-киберсфере, но и обращали бы внимание
на нечто действительно важное. На то, что даёт возможность
прорыва к иной реальности – сути вещей, в том числе та-
ких, как время. Уже в рассказе «Баян» время течёт медлен-
но не потому, что взгляд автора обращён в прошлое, в дет-
ство, а из-за реальности встречи с собой – маленьким маль-
чиком. Это сейчас каждому представляется, что детство про-
мелькнуло, пролетело – подобные штампы можно множить
и множить. Но сделайте над собой усилие, вспомните, как
медленно текло время, когда вы были ребёнком, перво- или
второклассником. Вспомните, как ползут минуты, когда за-
сыпаешь или ковыряешь в тарелке что-то наверняка полез-
ное, что тебе дали на завтрак старшие, как долго идут уро-
ки, как продолжительны закаты за городом или лесные про-
гулки... Это сущее колдовство: Яну Мищенко удаётся вер-
нуть, вдохнуть жизнь в воспоминание, в прошлого себя. Ма-

ленького героя рассказа «Баян» укладывают спать, но он не может не прислушиваться к звукам, доносящимся из кухни. «Папа что-то напевал, и я пытался уловить хоть несколько слов. Иногда мне это удавалось. Потом я складывал услышанные слова и пытался понять, что за песню пел отец, о чём она, но песен я знал мало, поэтому складывал слова как придётся и выходила какая-то несуразица, но я был уверен, что в этой несуразице есть некий скрытый смысл, понятный только взрослым и таким серьёзным людям, как мой отец». Уход отца из семьи, понимание, осознание, боль этой потери в рассказе растянута во времени в точности так, как это осознавалось ребёнком. Прозрение здесь – детское, точность попадания в эмоции – абсолютно взрослая.

Автору приезжать в Москву, как многим «сорокалетним московской школы», нужды не было. Писатель родился в столице, по образованию лингвист, преподаёт в МГУ и в Московском психолого-педагогическом университете. Сфера научных интересов – стилистика как направление науки о языке: культура языковой коммуникации, межкультурная коммуникация и то, что обязан знать каждый филолог, – история литературы. В рассказах Яна Мищенко города нет – вообще никакого: москвич узнаёт в тексте столицу, житель Новосибирска, возможно, найдёт признаки своего города. Пространство текста здесь – плоская воронка, устремлённая не вширь, но вглубь. «Старые друзья» – городской рассказ о встрече давно не видевшихся приятелей. У каждого своя

жизнь, какой-то быт, линия дружбы, совместной героической службы или чего бы то ни было подобного вычеркнута из взаимоотношений героев. Слабое узнавание, какое-то убогое угощение, и бежать бы одному из квартиры другого, но время тянется, надо что-то говорить, иначе получится невежливо... Пьют чай – гость за рулём. «Они мазали слегка подтаявшее масло на хрупкое печенье. Печенье ломалось, роняя крошки на стол. Сергей аккуратно собирал крошки ладонью на столе в маленькую кучку...» Герои отчётливо современные, но противопоставлены хипстерам, деятелям IT-рекламы, содержателям шоу тик-токеров, хозяевам кафешек, купленных в кредиты, за которые им никогда не расплатиться, – всем тем, кто наивно считает себя креативным и современным жокеем, оседлавшим поток бытия. Один из ровесников, героев рассказа «Старые друзья», побогаче, другой оказался на мели, и сказать-то им друг другу, по сути, нечего. Автор видит пустоту, тщету случайного общения, и даже о цели визита – один привёз другому денег взаймы, – убедившись вдруг, что своя и чужая жизнь течёт сквозь пальцы, словно песок или тающий снег, герои почти забывают. Но за душой у каждого из них больше, чем у иных, – у них есть время.

Рассказ «Хлеб» подан в «салонно-деревенском» стиле, текст условно онтологический, не о хлебе насущном, а о восприятии жизни в старости. Ян Мищенко смело справляется с грузом банальности – темой отношения старшего поколения к хлебу как таковому, батону или буханке. Перед нами

словно бескровная жертва, литературный вариант храмового действия. Очень несложный язык и система образности легко переносят читателя из обыденности застолья отца и приехавшего его навестить сына чуть ли не к православным мотивам, своего рода литургичности. «Хороший хлеб. Совсем не кислый». Писатель свободно погружает нас в прошедшее в настоящем – то время, которое переживают на наших глазах пожилые люди и которое обязательно будем переживать мы сами.

Ян Мищенко издаёт журнал «Литис», ведёт семинар, на котором обсуждаются новые, актуальные литературные произведения, то есть занимается не только искусством, но и практической деятельностью в литературе. Он видит литературу со всех сторон, в её протяжённости, в истории и научных исследованиях, этических и коммерческих границах – да во всём спектре! – словно вращающуюся голограмму, точно отображающую процессы, происходящие в рассматриваемом объекте. Возможно, поэтому рассказы Яна Мищенко удаляются от злобы конкретного календарного дня или месяца, литературной партийности, новой культурной реальности, в которую мы всё глубже погружаемся, осваивая модные технические устройства и тоталитарную, радикально глобалистскую идеологию. Его рассказы свободно располагаются во времени, которое автор при желании легко подчиняет. А иногда он остаётся наблюдателем и обеспечивает чёткую и без усилий воспринимаемую трансляцию своей точ-

ки зрения. Автор демонстрирует литературное мастерство, острое восприятие жизненного опыта, и всё же в этих рассказах звучит какая-то Маканинская насмешка. Настолько, впрочем, глубокая, что оснащённые искусственным интеллектом устройства при досмотре, например, в аэропорту не найдут оснований конфисковать у нас книгу Яна Мищенко. Время длится, время идёт, оно подвластно только тем, кто знает, что с ним делать.

Сергей Шулаков

Баян

Все жители коммуналки съехали, и мы остались втроём в этой просторной, как оказалось, трёшке: я, мама и отец. Я очень обрадовался и, будучи маленьким, коротко стриженным пацанёнком-третьеклашкой, бегал по всей квартире из комнаты в комнату, осваивая просторы жилища. Теперь мне позволяли засиживаться в ванной, где я командовал небольшой резиновой флотилией. Мои корабли то прятались от вражеских за пенными айсбергами, то чудесным образом проходили сквозь них и, застав врага врасплох, расстреливали и топили его корабли. Я яростно лупил по воде ладошкой, изображая взрывы, – пена взлетала почти под потолок, а брызги заливали пол. Мама ругала меня, но не сильно, она, хоть и женщина, понимала, что такое морское сражение. Да и флотилия моя застоялась на полке, пока мы жили с соседями, и команде моей хотелось помериться силами с недругом в морском сражении. Это мама тоже понимала. Я был очень рад, что мы живём теперь одни. Правда, папа приходил домой грустный и пьяный или просто грустный, а напивался уже дома. Он садился на кухне – теперь на кухне тоже можно было сидеть спокойно, и никто не мельтешил перед глазами и не ворчал недовольно – и громко ставил перед собой бутылку водки. Мама, стараясь улыбаться, вываливала ему на тарелку из скворчащей сковородки несколько

рыхлых котлет и уходила в комнату, уводя меня с собой за руку. А мне хотелось побыть с отцом. Я редко его видел. Мне хотелось рассказать ему о моих морских сражениях, о героических подвигах моих капитанов. В комнате, садясь поближе к двери, я прислушивался к тому, что происходит на кухне, и ждал какого-нибудь шороха, звяканья, кряхтения, и на каждый издаваемый папой звук реагировал размышлениями и фантазиями; представлял, что при этом делает отец. Я сидел на полу и возил по ворсистому ковру кабриолетом. Папа что-то напевал, и я пытался уловить хоть несколько слов. Иногда мне это удавалось. Потом я складывал услышанные слова и пытался понять, что за песню пел отец, о чём она, но песен я знал мало, поэтому складывал слова как придётся и выходила какая-то несурaziца, но я был уверен, что в этой несурaziце есть некий скрытый смысл, понятный только взрослым и таким серьёзным людям, как мой отец. Потом папино пенье затихало. Мама облачала меня в позорную, как мне казалось, пижаму и укладывала спать, поцеловав на ночь в лоб. Когда она выходила из комнаты, я просил её оставлять небольшую щёлку, чтоб хоть немного света из коридора проникало ко мне. Мне не было страшно – мне было одиноко. И от одиночества я залезал с головой под одеяло. Теперь я был на борту подводной лодки. Маленькой такой подлодки. Было темно, только над дверью каюты тускло горела лампочка под измазанным красной краской плафоном. Я пытался уснуть. И уже вроде начал засыпать, как вдруг до меня стали

доноситься звуки баяна. Как? Откуда здесь баян? Да не может быть! Я несмело, аккуратно, чтобы не испугнуть шорохом эту зыбкую, чуть слышную музыку, накидываю бушлат и выхожу из каюты. В коридоре никого нет, шумит генератор, но музыку он не заглушает. Я иду на звуки баяна, в сторону торпедного отсека. Музыка становится всё громче, и я слышу чьё-то пение. Останавливаюсь у офицерской каюты. Баян звучит за дверью, и кто-то неразборчиво поёт. Хочу постучать, но мне кажется, что от моего стука музыка исчезнет, и я просто тяну дверь на себя. На койке спиной ко мне сидит мичман. Накинутый парадный китель его того и гляди сползёт с крепких плеч. Он широко растягивает меха баяна, играя «Прощание славянки». Я подхожу к нему так близко, что слышу, как щёлкают кнопки под его пальцами. Вдруг мичман резко прекращает играть, повернувшись ко мне:

– Ты что, морячок?

– Извините, товарищ мичман, – я пачусь назад, – извините, я отца вспомнил... – дверь захлопывается, и музыки больше нет. Её заменил шум генератора. Он становится всё сильнее и сильнее. И вот уже он совершенно невыносим. Потемнело. Я кое-как добираюсь до своей каюты по тёмному коридору и падаю на койку, уткнувшись в подушку носом.

Папу было и из подлодки хорошо слышно. Теперь его речь перебивала мамина. Всё громче и громче. Мама переходила на крик и... вдруг замолкала, а папа, что-то бурча себе под нос, заходил ко мне в комнату. Он присаживался на корточ-

ки возле моей кровати, одной рукой гладил по одеялу, а другой вытягивал из-под кровати запылённый кофр с баяном. Папа хорошо играл на баяне. Я, конечно, не очень в этом разбираюсь, но думаю, что он играл хорошо. Песни он пел хорошие – весёлые. Папа очень хотел, чтобы я научился играть на баяне «лучше, чем он», поэтому хранил свой инструмент у меня в комнате, под моей кроватью. «Это твой баян! – говорил он мне, – вот чуть постарше станешь, пойдёшь учиться». И мне обязательно хотелось научиться играть на баяне, чтобы папа был доволен. Я бы выучился и смог бы радовать его в те редкие наши вечерние минуты. Я представлял своё первое выступление перед отцом: вот он приходит вечером, как обычно поздно, но я спать не буду, я попрошу маму, чтобы ради такого случая она разрешила мне дождаться его. Мама добрая, она разрешит наверняка. Так вот, я сижу в своей комнате и вдруг слышу, как поднялся лифт на наш этаж и зазвенела связка ключей. Беру баян, бегу с ним на кухню и усаживаюсь на табуретку напротив папиного места. Папа заходит в квартиру, мама встречает его, чуть приподнимаясь на носочках, целует в щёку. Я наблюдаю с кухни. От волнения мои ладошки потеют. Мысленно прогоняю комбинацию и порядок кнопок, ёрзая на табуретке. Вот папа появляется на кухне. Он смотрит на меня немного удивлённо, с лёгкой улыбкой. Я представляю ему свой номер, но он, недослушав, уходит мыть руки. Вот он возвращается и усаживается на своё место в ожидании ужина. Снова пред-

ставляю ему свой номер и начинаю играть. Я ни разу не ошибусь, потому что очень хорошо отрепетирую какую-нибудь несложную песню. Нет, петь не буду. Петь я стесняюсь. Папа будет очень доволен: и ужин, и я ему сыграл. Он, конечно, похвалит меня, но тут же мама прогонит меня спать, и дальше я буду гордиться собой в своей постели, прислушиваясь, а вдруг папа в разговоре с мамой похвалит меня ещё раз. И я услышу среди прочих, непонятных мне фраз ту, которую жду, – папа скажет маме, как ему понравился мой номер и что он очень доволен мной. И после этого я спокойно накроюсь одеялом с головой и со своей подводной лодкой погрузусь на дно океана.

Учился я хорошо, но без удовольствия. Мама меня будила по утрам и почти каждый раз объясняла, почему надо идти в школу. Я неохотно шёл в ванную, грустно смотрел на свою флотилию, стоящую без дела на полке, чистил зубы, едва раскрывая рот, и с особенным отвращением умывал лицо холодной водой. Может, умывался бы и тёплой или вообще не делал бы этого, но папа говорил, что утреннее умывание ледяной водой ободряет на целый день. Я не помню уже, когда он это говорил, но упорно выполнял папины наставления и всё ждал, когда же меня это уже взбодрит. Не мог отец соврать, значит, скоро эффект будет. Не дождавшись в очередной раз ободрения, я возвращался в комнату, натягивал брючки, тугие полусинтетические носки, колкий мохеровый свитерок, связанный мамой, и уныло смотрел на мою

подводную лодку, такую же унылую, как мой взгляд, уже заправленную и накрытую мамой клетчатым покрывалом.

Одним обычным хмурым для меня утром я шёл в школу привычной дорогой, распугивая нахохлившихся на холоде голубей мешком со сменной обувью. Они собирались во дворе нашего дома, недалеко от детской площадки. Со двора уже была видна дорога к школе, на которую стекались ученики ближайших домов. Через пару минут я уже был среди них. У входа в школу, как обычно, толпились дети и родители, провожавшие первоклассников. Пока я пытался просочиться в школу, моё внимание привлёк белый листок на двери. Его здесь не было раньше. Я подошёл ближе и прочитал: «Уважаемые родители и ученики! В нашей школе ведётся набор в группу обучения игре на баяне...» Мне вдруг показалось, что вокруг всё исчезло и затихло. И никто не толкается, а это просто меня покачивает от того, что день какой-то необычный. Мне захотелось быстрее вернуться домой и рассказать маме, и, возможно, я бы так и сделал, если бы не пара старшеклассников, которые просто протолкнули меня в двери, и обратно уже мне было не пройти.

Учебный день тянулся. Я совсем не думал об учёбе. Переживал, что «набор в группу» закончится, пока я здесь читаю и считаю. Я был возмущён: почему я должен повторять то, что уже знаю, если есть возможность научиться тому, чего не умею делать, и при этом очень хочу научиться этому! Я порывался на перемене пойти и записаться в группу, но даже

не мог представить, куда мне идти и к кому обратиться. В утренней суете у дверей школы я не успел прочитать об этом в объявлении. «Ничего, – успокаивал себя, – после уроков, когда пойду домой, внимательно изучу объявление и даже запишу, что необходимо». Однако после уроков объявления уже не было на двери. «Наверное, уже набрали группу, – подумал я, но отступить был не намерен, – приду завтра с баяном, и они не смогут мне отказать. Ведь у меня уже есть баян! Не думаю, что у каждого, кто записался, есть баян. А мне папа подарил! Никуда не денутся – примут!»

Маме я решил ничего не говорить: «Скажу утром, а то папе проболтается раньше времени». Зато мама удивлялась, какой я послушный сегодня и самостоятельный: сам сел за уроки, почти без её помощи всё выполнил, без напоминаний принял душ перед сном, самостоятельно разобрал кровать и вовремя лёг спать. «У тебя всё хорошо?» – спросила меня мама и поцеловала перед сном. Я кивнул головой, а сам подумал: «Надеюсь, что да!» Она пожелала мне спокойной ночи и вышла из комнаты, оставив небольшую щель, как обычно. Я укутался в одеяло и зажмурился, стараясь поскорее заснуть, но сон не шёл. Что-то тревожило меня. Крутился с боку на бок, переворачивал подушку, расправлял несколько раз одеяло. Вдруг мне показалось, что баян исчез. Я вскочил с кровати и запустил под неё руки. Нащупав холодный дерматиновый кофр, я успокоился и снова улёгся. Но заснуть опять не получалось. Теперь мне казалось, что кофр под кроватью

пустой – баяна в нём нет. Уверить себя в том, что такого просто не может быть, оказалось сложнее, чем ещё раз заглянуть под кровать и проверить, на месте ли баян. Я снова слез с кровати, потащил его на себя, щёлкнул одновременно обоими замками и приоткрыл крышку. Инструмент был на месте. Я лёг в кровать, а еле различимые в темноте контуры баяна ещё стояли у меня перед глазами. Теперь я заснул, но спал плохо. Слышал, как пришёл отец, как они разговаривали с мамой на кухне, потом он, как обычно, зашёл ко мне в комнату, достал баян, погладил меня по голове и вышел, закрыв за собой дверь и не оставив щели. После папиного визита я погрузился в глубокий сон и уже даже не слышал, как он играл и пел на кухне свои любимые песни.

Когда я был ещё так доволен предучебным утром! Не помню. Снова проявлял самостоятельность, но мама этого уже не замечала. Она была серьёзная. Наверное, не выспалась. Я почистил зубы, умылся ледяной водой, надел свои брючки, свитерок и полез под кровать за баяном, мне теперь не терпелось рассказать обо всём маме. Но кофра под кроватью не оказалось. Я залез глубже, но кофра так и не обнаружил, а только нацеплял пыльных комочков на свой свитерок и брючки. В недоумении я обошёл все комнаты в поисках баяна, но нигде его не нашёл. Зашёл на кухню, окинул её взглядом, но и здесь не было баяна. Мама стояла ко мне спиной и нарезала хлеб. «Мам!» – позвал я её. Мама обернулась. Она плакала. Никогда не видел, как мама плачет. У

меня похолодели руки.

– Ма-ма, – протянул я, – а где... – я хотел спросить, где баян, но мама не дала мне договорить. Она обняла меня, прижалась мокрой щекой к моему лицу и еле-еле, как будто выдавливая из себя нужные слова, а ненужные – с трудом удерживая в себе, произнесла:

– Папа ушёл... Он больше не вернётся...

Я не любил плакать и очень редко это делал, но, если я чувствовал, что слёзы наворачиваются у меня на глаза, сдерживал себя, пытаюсь отвлечься на что-нибудь хорошее, но тут слёзы даже не наворачивались, они просто потекли по моим щекам, попадая на мамины щёки тоже. Мы стояли посередине кухни, обнявшись, и не могли отпустить друг друга. Наверное, потому что оба не знали, что нам теперь делать. Я не стал спрашивать у мамы, где баян, мне и так было всё ясно, да и не нужен он мне теперь, когда папы нет. Папа забрал с собой самое дорогое ему, самое дорогое мне и самое дорогое маме.

Пёс

Я ехал извилистой широкой тропой парка. К запачканным колёсам велосипеда приставала листва и тёрлась о крыло, неприятно шурша. Остановившись у первой попавшейся скамейки, я подобрал ветку и стал аккуратно, чтобы не испачкать руки, скovyривать комки грязи и прилипшие листья с колёс и рамы велосипеда. Вскоре велосипед был очищен, но крутить педали стало уже лень. Солнце приятно припекало и слепило. Я сел на скамейку и, прищурившись, а потом и вовсе закрыв глаза, откинулся на спинку и вытянул ноги. В голове звучала какая-то старая мелодия, и я ей в такт стучал веткой по скамейке. Сидел и наслаждался последними тёплыми деньками. И даже мысль о том, что до дома ещё около часа пути, не мешала расслабиться. Вдруг за ветку кто-то потянул, рыча и повизгивая. Я открыл глаза. На меня снизу вверх исподлобья смотрел небольшой чёрный пёс с белым пятном на спине и махал хвостом. Он вцепился в ветку зубами и тащил её на себя, уперевшись всеми четырьмя лапами в уже пропитанную дождём осеннюю землю.

– Моя палка, – наигранно сердито прикрикнул я и дёрнул ветку на себя, – а ну, отдай! – Пёс немного подался вперёд от моего рывка, но ветку не отпустил, а только сильнее зарычал, не спуская с меня глаз.

– Сдалась тебе моя ветка! Вон, посмотри, сколько их ва-

ляется, выбери себе любую, – сказал я и показал рукой себе под ноги. Земля была усыпана красно-жёлтой листвой и сухими сучьями. Пёс повёл глазами за моей рукой, но через секунду опять уставился на меня и даже чуть громче зарычал. Я перехватил ветку в правую руку, наклонился поближе к собаке:

– Отдай, – тихо сказал я и слегка щёлкнул пса по носу пальцем. Пёс, видимо, от удивления перестал рычать, призадумался и звонко гавкнул. Я успел вырвать ветку, но он тут же опять её схватил.

– Ух ты, какой ловкий! Охотничьей породы, наверное... – покачав головой и улыбнувшись, похвалил я пса.

Пёс перестал рычать, присел на землю, выпустил из пасти палку и, продолжая смотреть мне в глаза, произнёс:

– Мой дед был охотником, наверное, что-то всё-таки передалось по наследству. Только ты не подумай, я не хвастаюсь! Просто это действительно так.

Я удивлённо посмотрел на небольшое животное, из пасти которого только что услышал человеческую речь.

– Это как же так-то? – удивился я и отбросил ветку в сторону.

Пёс было дёрнулся за ней, но быстро передумал и опять принял важный вид:

– Тебе кажется странным, что я умею говорить? – сказал он и подошёл поближе. – Знаешь, а меня в последнее время совсем не удивляет поведение людей!

– Это ты о чём? – с улыбкой поинтересовался я.

– Не будем об этом! Сам прекрасно понимаешь, о чём я! – пёс почесал за ухом, и мне показалось, что он улыбнулся.

– Напрасно ты вот так... всех одним аршином-то, – ответил я.

– Так и собаки не все говорящие, верно? – перебил меня пёс и уже явно заулыбался. Зубы у него были белые и ровные, особенно клыки.

– Вообще-то да. Тебя как зовут-то?

– Зачем тебе?

– Ну... для знакомства, что ли.

– Я, в смысле, смотря для чего. Если накормить хочешь, то зови, как тебе нравится, я на любую кличку отзовусь, не гордый. Вот, например, знаешь кулинарию, что на пересечении Паустовского и... как её... Голубинской?

Я кивнул, хотя даже не имел представления, где находятся эти улицы.

– Так вот, каждое утро, около восьми, хозяин приезжает на «жигулях», мясо привозит. Так вот, этот хозяин кулинарии, его Айваром зовут, не знаю, какой он национальности, всё равно мне, зовёт меня Дудука. И я уверен, что когда он произносит это, скажем так, необычное на первый взгляд, иноземное имя, то у крыльца кулинарии меня ждёт миска сочных свиных хрящей, – пёс встал на все четыре лапы и стал кругами похаживать около моих ног. – Во! Даже в брюхе заурчало!

Я усмехнулся.

– А вот, например, у гаражей, – продолжил пёс, – у пятнадцатого дома, за детской площадкой, каждую пятницу вечером мужики пиво пьют, как правило, рыба у них есть. Все шкурки мои! Частенько копчёного палтуса пивом запивают, а у меня от него язык и нёбо очень чешутся и зубы липкие, но это ерунда. Мне палтус нравится. Он вообще-то жирноват для собаки моего возраста. У меня после него ещё печёнка ноет, ну да ладно. Так вот, там, у гаражей, мужики меня Тобиком зовут. На мой взгляд, простовато, конечно, для меня, но терплю. Ну да ладно, ничего не поделаешь, собаке собачье имя! Зови меня... – пёс задумался.

Поднялся ветер и взъерошил моего собеседника. Шерсть у него была длинная и ухоженная.

– Будет дождь, – ветер отвлек пса от размышлений, – вон уже и тучи несёт, – он задрал голову и смешно пошевелил большим чёрным носом, – но ненадолго, так, побрызгает да перестанет. Но мокнуть всё равно неохота, – он огляделся вокруг и указал мордой в сторону растущей неподалёку раскидистой ели, – вон, давай под ёлку. – Я взял велосипед и покати́л его под дерево, пёс – за мной. Как только мы скрылись под ветвями, стали падать первые тяжёлые капли, и вскоре весь лес зашумел дождём. Пёс присел, облокотившись на ствол, а я – на небольшое бревно, оставленное кем-то после пикника. Мы сидели молча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.